

Литературныя новости.

(Скиталецъ. Разказы. Т. V. Семень Юшкевичъ. Собрание сочинений. Томъ XII).

Современные писатели, большею частью бѣдняки, пишутъ много, часто излишне поспѣшно. Не то, что писатели 40-хъ годовъ. Вотъ, напр., Скиталецъ (С. Г. Петровъ) и г. Юшкевичъ. Оба они еще мало оцѣнены, мало признаны, все считаютъ ихъ чуть не начинающими писателями, а одинъ уже выпускаетъ V томъ своихъ произведений, другой VII. Такъ много въ ихъ годахъ не издавалъ, пожалуй, и Достоевскій, писавшій очень много сравнительно съ другими нашими знаменитыми писателями.

И благодаря нервному настроенію читателей, все современные писатели испытали довольно странную судьбу. Особенно странную изъ нихъ нихъ испыталъ г. Скиталецъ. Первые произведения его обратили на себя вниманіе, и онъ съ быстротою, какою не замѣчалась прежде, сталъ знаменитостью. Кромѣ успѣха его произведений, этому еще больше способствовало то, что молва связала его съ Горькимъ, пользовавшимся въ то время необычайной популярностью. Многимъ, знавшимъ г. Скитальца, какъ известнаго писателя, совершенно не были известны его произведения, а въ послѣднее время они и всецѣмъ мало читаются. Какъ быстро онъ былъ прославленъ, такъ же быстро и оставленъ.

Между тѣмъ, онъ, несомнѣнно, не заслуживаетъ послѣдняго и даетъ свой свѣтъ, а не только отраженный отъ Горькаго, какъ на него привыкли смотрѣть. Конечно, его „огарки“ являютъ отраженіемъ горьковскихъ босяковъ, въ нихъ проявился романтизмъ того времени, въ какое они были созданы, какъ и въ горьковскихъ босякахъ. Проникло это время, и они кажутся уже странными, явной выдумкой, преувеличеніемъ; то, что представлялось прежде настоящимъ золотомъ, кажется теперь только сусальной позолотой. Они были созданы босяками Горькаго, но въ нихъ проявилось и нѣчто свое, принадлежащее только Скитальцу.

Скиталецъ—поэтъ, и, создавая своихъ „огарковъ“, онъ явно фантазировалъ, перешагивая дѣйствительность до неузнаваемости. Изъ своихъ пропойцъ онъ сдѣлалъ героевъ сверхъестественнаго роста, не отличающихся такъ чутьемъ дѣйствительности, какъ

Горькій, который и своимъ романтическимъ героямъ умѣлъ придавать черты реальной правды. Можетъ быть, г. Скиталецъ до крайности дошелъ и потому, что въ данномъ случаѣ онъ явно подражалъ, такъ какъ подражатели всегда преувеличиваютъ слабыя стороны оригинала. Публика восхитилась босяками, которымъ Горькій придавалъ такую соблазнительную правдивость, но послѣ „огарковъ“ задумалась: нѣтъ, это ужъ слишкомъ. И „огарки“, увлекшіе сначала публику, восхищавшуюся босяками, повредили потомъ и послѣднимъ, такъ какъ въ нихъ ужъ слишкомъ ярко проявилось то ложное, что было въ первыхъ.

Такъ и стали смотрѣть на г. Скитальца, какъ на явца сверхъестественныхъ „огарковъ“. Но это не совсемъ вѣрно: у него вѣдь не только „огарки“, есть произведения, въ которыхъ онъ простъ, ясенъ, въ которыхъ очень мило проявляется его природный поэтический талантъ, который, замѣчу, сказывается и въ „Огаркахъ“. Изъ большихъ произведений таково, напр., его прекрасное произведение „Этаны“, имѣющее автобиографическій характеръ.

Въ новомъ, V томѣ его произведений, въ которомъ помѣщены нѣкоторые очень старые очерки, печатавшиеся еще въ „Самарской Газетѣ“ (1897—1899 гг.), встрѣчаются очень хорошіе очерки, достойные поэтического таланта г. Скитальца. Есть здѣсь и романтизмъ, проявившійся въ „Огаркахъ“: типы студентовъ-гулякъ, пѣвчаго Силана, который и весь хоръ покрываетъ, и на лодкѣ въ бурю плаваетъ лучше всякаго моряка, и бродяжить, потому что регентъ часто несправедливъ бываетъ. Все это написано хорошимъ поэтическимъ языкомъ, но правда здѣсь и не почевала, а героизмъ Силана довольно дѣтскаго характера. Лучше очерки полустуденческой богемы, въ которыхъ, впрочемъ, тоже сказывается стремленіе автора въ шалонайствѣ видѣть героизмъ. Совсе недурень разказъ „Сумерки“, рисующій влияние на неустойчивыя души современнаго настроенія. Воротынский, бывший революціонеръ, сдѣлавшійся мистикомъ, можетъ даже показаться преувеличеннымъ, какъ „огарки“, но вѣдь такая грандіозная неустойчивость имѣется у насъ передъ глазами въ печати—это Меньшиковъ.

Лучшими въ книгѣ являются разказы художественно описательнаго характера: „Давосъ“ и „Виллафранка“. Очерки эти

написаны поэтически, хорошимъ, яснымъ стилемъ, даютъ рядъ живыхъ образовъ и овѣяны тѣмъ мягкимъ, симпатичнымъ юморомъ, который свойственъ г. Скитальцу, когда онъ не старается писать „высокимъ стилемъ“. Такіе очерки указываютъ, что г. Скиталецъ обладаетъ недюжиннымъ природнымъ талантомъ, который, однако, не нашелъ достаточнаго приложенія. По содержанію его большія произведенія далеко не соответствуютъ его внѣшнимъ природнымъ даннымъ.

Можно сказать, что г. Скиталецъ не нашелъ себя, не развилъ того хорошаго, что есть въ его талантѣ, какъ онъ не сдѣлался ни вполне поэтомъ, ни вполне прозаикомъ. Такъ и въ своихъ произведеніяхъ онъ соединилъ приподнятую аляповатость съ тонкимъ поэтическимъ вкусомъ. Конечно, можно сказать, что въ этомъ и есть его оригинальность, его обликъ, но вѣдь всякій писатель долженъ стремиться не къ смѣшенію пшеницы съ плевелами, а къ избавленію отъ плевель. Г. Скиталецъ отъ нихъ не избавился, онъ ими засорилъ особенно свои крупныя произведенія, тогда какъ онъ могъ бы давать только очень добротную пшеницу.

Г. Семень Юшкевичъ тоже писатель съ талантомъ, но тоже въ сильной степени неравнодушный. Онъ обладаетъ несомнѣннымъ бытописательнымъ талантомъ, но который долгое время не находилъ своего пути. На немъ сказывалось и влияние Горькаго, плохо переваренное, и даже влияние декадентства (въ одной невозможной драмѣ, заглавія которой не помню, но въ которой выступаетъ какая-то символическая прислуга). Лучшіе его разказы—изъ хорошо знакомой ему жизни еврейской рабочей среды. И, по видимому, онъ самъ почувствовалъ, что въ изображеніи еврейской среды онъ наиболее силенъ, по крайней мѣрѣ, пьесы, помѣщенные въ послѣднемъ, VII томѣ его произведений, все посвящены изображенію этой среды.

Пьесы г. Юшкевича, помѣщенные въ VII томѣ, представляютъ не психологическій, но бытописательный интересъ. Авторъ, впрочемъ, старался изобразить въ нихъ и влияние момента, даннаго общественнаго состоянія. Первая пьеса: „Король“ изображаетъ время общественнаго пробужденія, забастовку евреевъ-рабочихъ противъ хозяина-еврея. На этой пьесѣ, очевидно, сказалося влияние „Ткачей“ Гауптмана, хотя прямого подражанія не замѣтно. Автору, конечно, не удалось въ такой степени, какъ Гауптману, изо-

браженіе нарастанія настроенія среди рабочихъ, при которомъ трагическій финалъ становится неизбежнымъ. Такой общественной психологіи, такого единства дѣйствія въ его пьесѣ нѣтъ, но лица, характеры, сцены, рисующія среду, въ ней чрезвычайно живы.

Пьеса: „Комедія брака“, которая шла съ большимъ успѣхомъ на сценѣ, рисуетъ разложеніе семьи, паденіе нравовъ подъ влияніемъ общественнаго застоя. Какъ преимущественно бытописатель, а не психологъ и социологъ, авторъ беретъ уже готовое состояніе, а не развитие его, и оставляетъ на второмъ планѣ наиболее трудное въ психологическомъ отношеніи изображеніе отраженія даннаго состоянія семьи на дѣтяхъ, представленныхъ собственнымъ слабымъ силамъ среди затрудненной жизни. О влияніи этомъ говорить двойное самоубійство дѣтей, которое эпизодически влетаетъ въ пьесу. Но нужно оцѣнивать не то, чего нѣтъ, а то, что есть, и принявъ это во вниманіе, можно сказать что пьеса г. Юшкевича очень живая и яркая съ точки зрѣнія изображенія нравовъ.

Третья пьеса: „Miserege“ тоже жива, но слишкомъ претенциозна. Авторъ изображаетъ въ ней современныя сумерки общественной жизни въ еврейской рабочей средѣ, въ которой на мѣсто общественныхъ выступаютъ личныя увлеченія—любовью, виномъ; люди въ нихъ какъ бы ипуть забвенія. Пьеса написана въ грустныхъ, сумеречныхъ тонахъ, пересытана музыкой, усиливающей впечатлѣніе основнаго ея фона. Восьмая картина пьесы, въ которой все предыдущее оказывается сномъ одного юноши (которымъ читатель не успѣлъ и заинтересоваться) совершенно неожиданна и вовсе не нужна, потому что въ дѣйствіи не было ничего фантастическаго, что нужно бы было объяснять сномъ.

Нужно сказать, что въ этихъ пьесахъ г. Юшкевичъ обрѣлъ самого себя, выразился ярче, чѣмъ во всехъ своихъ прежнихъ произведеніяхъ. Въ пьесахъ этихъ живо рисуется еврейская среда, еврейскій бытъ, но не этнографически, не для ознакомленія съ ними тѣхъ, кто этой среды не знаетъ, но и для самой этой среды, какъ Островскій рисовалъ русскій бытъ для русскихъ зрителей и читателей. Пьесы г. Юшкевича интересны одинаково для русскихъ и для евреевъ.

А. Ум—скій.